

О НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ МАРИНЫ ЛЮДВИГОВНЫ ЧИБИРОВОЙ (1970–2017)

21 июля 2017 года после продолжительной болезни ушла из жизни Марина Людвиговна Чибирова – талантливый ученый-филолог, педагог, видный государственный и общественный деятель, министр образования и науки РЮО с 2012 по 2015 г., заслуженный работник высшей школы РЮО, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ЮОГУ.

К этим регалиям и званиям необходимо, даже вопреки строгим правилам жанра, добавить, что Марина Чибирова была искренне любимым в Осетии человеком, и кончина ее глубоко опечалила всех соотечественников. С сокрушенным сердцем говорили о ней коллеги и сослуживцы в Южной и Северной Осетии – экс-президент РЮО Леонид Тибилов, поэт Музафер Дзасохов, профессор Тамерлан Камболов, ректор ЮОГУ Вадим Тедеев, бывший заместитель министра образования и науки Майя Засеева, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы ЮОГУ Манана Парастаева и многие другие, – и все неизменно подчеркивали ее профессионализм и дружелюбие, интеллигентность и простоту, женственность и твердость духа. По мнению всех, кто ее знал, Марина Чибирова была примером настоящей женщины-осетинки.

Автор этих строк не входил в круг знакомых и друзей Марины Людвиговны, но заочно всегда питал к ней симпатию – во-первых, как к дочери и сестре глубоко уважаемых им людей, как к представительнице славной осетинской фамилии (в такой предвзятости легко и приятно соизнаваться); во-вторых, как к коллеге, филологу-литературоведу, ибо он всегда с удовольствием знакомился с научными исследованиями М.Л. Чибировой, – и каждый раз находил их интересными, добросовестными и элегантными.

Марина Людвиговна прожила недолгую жизнь, и написала не так много работ, – но ее творческое наследие актуально и богато по содержанию и значительно для осетинской филологии и осетиноведения в целом.

К основным направлениям ее научного творчества следует отнести вопросы генезиса и истории осетинской литературы, осетинской поэзии XX века, литературных взаимосвязей (в первую очередь, художественного перевода), биографии и творчества Коста Хетагурова.

* * *

Кандидатская диссертация М.Л. Чибировой «Художественный перевод и проблема национального колорита (на материале русских переводов осетинской поэзии второй половины XX века)» была защищена в 2005, а через год вышла в печати в качестве монографии.

В этой работе автором последовательно рассмотрены теоретические аспекты переводоведения и историческая динамика переводческих методологий и приоритетов, проблема национального колорита в контексте переводоведения, концепции художественного перевода в русской и осетинской филологии; на основе анализа произведений осетинской поэзии второй половины XX века в русских переводах выявляются и квалифицируются переводческие алгоритмы и описываются средства и способы сохранения национального колорита в переводной осетинской поэзии.

Исторический аспект рассмотрения предмета позволяет констатировать, что, в сущности, кандидатская диссертация М.Л. Чибировой – это исследование генезиса и истории осетинской художественной словесности, потому что последняя возникла, помимо остального, из русско-осетинского культурного взаимодействия, а перевод – важнейшая форма контакта и катализатор развития литературы. Введение и первая, а также пролегомены ко второй главе освещают начальные шаги возникшей к жизни осетинской художественной литературы и литературного перевода и фиксируют малоизвестные обстоятельства (связанные, например, с переводческой деятельностью христианских миссионеров) и имена осетин, стоявших у са-

мых истоков этой традиции (в частности, Ивана Егоровича Гогниева, переведившего на русский язык – задолго до возникновения осетинской литературы – самого Байрона).

Надо заметить, что методологически исследователь опиралась, помимо иностранных и русских теоретиков перевода (В.Г. Белинский, В.М. Россельс, О.Л. Кундзич, В.Г. Адмони, Т.И. Сильман, А.Д. Швейцер, А.В. Федоров, Е.Г. Эткинд, И. Левый и др.), на работы осетинских критиков, писателей и филологов: Нигера, В.И. Абаева, А.С. Гулуева, Б.К. Зангиева, Нафи, И.М. Дзахова, З.Х. Тедтоевой, Л.Л. Санакоевой и др. Использование теоретических наработок осетинской переводческой школы укореняет труд М.Л. Чибиревой в национальной филологии и гарантирует ему востребованность в дальнейших исследованиях феномена художественного перевода, которых мы ожидаем впредь от Е.Б. Дзапаровой, Р.Я. Фидаровой, И.В. Мамиевой, Л.К. Гостиевой, М.Г. Дзагоевой, Т.Т. Техова и других наших коллег, уже известных своими изысканиями в этой важной области филологии.

Важность переводоведения состоит и в том, что, как отмечала М.Л. Чибирова, «*количество и качество*» переводной литературы имеют «*определяющее значение... при оценке литературного процесса в той или другой стране...*» (Чибирова М.Л. Художественный перевод и проблема национального колорита. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2006. С. 7). В этом смысле осетинское переводоведение может и должно быть на высоте, соответствующей уровню и интенсивности нашей переводческой практики и тому положению, которое занимает осетинская литература в переводах на русский язык в сопоставлении с другими северокавказскими литературами. Правоммерно и не без гордости исследователь констатирует, в частности, что в «*Антологии литературы народов Северного Кавказа*» (Т. 1: Поэзия. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003) осетинская поэзия представлена 76 поэтами, что в полтора раза превышает тот максимум, которым представлены другие. «*Осетия, – утверждает Марина Чибирова, – республика поэтов*» (Там же. С. 61).

Актуальность и новизну этого исследования отмечал в свое время профессор Ш.Ф. Джикаев. Если к анализу переводов иноязычной словесности на родной язык осетинская литературная критика всегда проявляла устойчивый интерес, то «*переводы достижений родной литературы на язык межнационального общения... редко привлекали внимание исследователей. Такое равнодушие особенно касается поэзии второй половины XX столетия...* М.Л. Чибирова поднимает целину на этом суровом, но благодатном

поле» (Джикаев Ш.Ф. Предисловие // Чибирова М.Л. Художественный перевод и проблема национального колорита. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2006. С. 3).

Новизна исследования М.Л. Чибиревой относится не только в широком смысле к его проблематике, но и к приемам решения научной задачи. В частности, ее «*ноу-хау*» заключается в методичном сопоставлении оригинального текста, подстрочника и перевода, в выявлении их всесторонних – лексических, стилистических, семантических – отношений.

Такой скрупулезный текстологический анализ позволил исследователю адекватно квалифицировать идейно-эстетическую ценность русскоязычных переводов осетинской поэзии, и там, где перевод не отвечал не только уровню оригинала, но и этическим требованиям, выказывая недостаточно ответственное, творческое отношение к переводческой работе, отсутствие «*должного уважения к тексту оригинала*» (Чибирова М.Л. Указ. соч. С. 142), М.Л. Чибирова не стесняется четких определений. Напротив, следует подчеркнуть как особенность ее научного стиля, что она всегда избегала туманных и обтекаемых формулировок, которыми злоупотребляют современные гуманитарии. «*У переводчика – непонятно что*»; «*перевод весьма неудачен*»; «*полностью искажен смысл стихотворения*»; «*в переводе – полный произвол*» и т. д. – такие острые эмоциональные замечания в работе М.Л. Чибиревой нередки, и если даже они стилистически выйдут порой за строгий академический регламент, то достигают более насущных, положительно критических целей и выражают живую душу исследования.

На своем материале – переводах из Грися Плиева, Бориса Муртазова, Александра Царукаева, Хазби Дзаболова, Музафера Дзасохова, Камала Ходова, Зинаиды Хостикоевой, Шамиля Джикаева, Ахсара Кодзати и других осетинских поэтов – М.Л. Чибирова опровергает скептические мнения о возможностях художественного перевода, известные со средневековья, и решительно утверждает, что «*адекватный поэтический перевод осуществим*» (Там же. С. 140), обоснованно приводит в качестве примера образцы переводческого творчества Анны Ахматовой, Николая Заболоцкого, Николая Тихонова, Николая Рубцова, Льва Озерова, Тимура Чибирова и других переводчиков.

В наблюдениях и оценках М.Л. Чибиревой сказываются не только владение аналитическим аппаратом, но и тонкий литературный вкус; таким образом, «*выявление причин успеха или неудачи переводчика в каждом конкретном случае*» могли бы, по мнению Ш.Ф. Джикаева, «*способствовать повышению уровня осетинской по-*

эзии на языке великой литературы» (Джикаев Ш.Ф. Указ. соч. С. 4).

«Осетинская поэзия на русском языке» – весьма примечательная формулировка в виду давней в осетинском литературоведении дискуссии о феномене национального двуязычия. Следует подчеркнуть, что исследование, о котором идет речь, мог провести только органически билингвальный филолог, – таких у нас уже не так много, а, между тем, нужда в них со временем лишь возрастает. Ибо только билингу доступно понимание, в частности, того, что текст перевода – живой орган связи языков и культур; но, тем не менее, хороший перевод – тот, что сохраняет национальную душу оригинала. Особенно ценно для нас базовое методологическое положение М.Л. Чибировой, которая всячески актуализирует в художественном переводе необходимость сохранения «национальной и исторической специфики оригинала» (Чибирова М.Л. Указ. соч. С. 23).

Это в хорошем смысле консервативное, гуманистическое положение, на котором зиждется действительная теория межкультурного взаимодействия, и которое противостоит глобализации в ее одиозном современном значении, предполагающем нивелирование этнокультурных особенностей, – в том числе в литературе. Но нередко эти особенности служат и поводом для лукавой озабоченности наших идейных оппонентов. По мнению М.Л. Чибировой, лучшие переводы из осетинской поэзии выступают «опровержением апологетам литературоведения Запада, беспочвенно утверждающим о происходящих в России процессах «денационализации» литературы» (Там же. С. 144).

Таким опровержением, безусловно, служит и живая, эмоциональная и пристрастная, и в то же время академичная работа Марины Чибировой.

* * *

В 2009 году вышла в свет вторая книга М.Л. Чибировой (идею которой, по ее собственному признанию, подсказала ей профессор Е.Б. Бесолова, – стало быть, этой книгой мы отчасти обязаны и ей). В строгом смысле тематически она никак не связана с переводоведением; можно сказать, что это даже не вполне литературоведческая работа, – и, тем не менее, она, безусловно, исследует не менее важный для осетинской культуры вопрос. В этой книге рассказывается, как говорила М.Л. Чибирова, «о женщинах, руки которых... когда-либо добивался» Коста Хетагуров и «которые оставили в душе и жизни поэта наиболее яркий и глубокий след» (<http://cominf.org/node/1166490786>).

Действительно, «впервые в одной книге представлены все женщины, ставшие в разные пе-

риоды жизни Коста его музами» (<http://cominf.org/node/1166490786>). Однако объективное содержание книги М.Л. Чибировой «Музы Коста» (Владикавказ, 2009) такой аннотацией не исчерпывается. Это довольно многоплановое исследование, содержащее элементы строго биографического, литературоведческого, краеведческого, культурологического и этнографического рассмотрения: здесь просто и достоверно представлен весь ближний круг общения Коста Хетагурова, даны реалии исторического Владикавказа (и не только) и воссоздана жизнь осетинского общества рубежа XIX и XX веков.

Но прежде всего, естественно, в этой работе освещается интимная сторона биографии Коста Хетагурова, и тем самым – интимный срез его лирики, представленный в генетических связях с реальными событиями, положениями и морально-психологическими состояниями поэта, – в этом состоит собственно литературоведческий аспект исследования.

М.Л. Чибирова исходит, вслед за другими исследователями хетагуровского творческого наследия, из констатации в нем единства «общественного и личного», однако вслед за этим четко и деликатно разграничивает эти категории и актуализирует свою собственную тему: «...мы так прониклись его творчеством, что, кажется, стали верить в его (Коста. – И.Х.) «неземное» происхождение. И сегодня Коста для нас так недостижим и обожествлен, что думается – никакие земные человеческие «слабости» ему не были присущи. (...) Человек высоких гуманистических идеалов, посвятивший жизнь служению своему народу, оказывается, был человеком ранимым... порой одиноким» (Чибирова М.Л. Музы Коста. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2009. С. 4).

Действительно, в образе Коста Хетагурова для осетинского общественного сознания всегда преобладали черты борца и трибуна, а его личная жизнь и индивидуальная природа оставались в тени (что объясняется как советской монументальной типизацией национальных героев, так и осетинским «пуританизмом»). Таким образом, воссоздавая портреты женщин Коста, Марина Чибирова пишет, по сути, новый образ нашего поэта, в чем-то определенно изоморфный известной скульптуре Владимира Соскиева, прозвучавшей хоть неоднозначным, но настоящим эстетическим открытием. В «Музах Коста» синтезируются бытийный и бытовой планы; М.Л. Чибирова тоже снимает поэта с пьедестала, чтобы дать его в максимальном приближении, – при этом, впрочем, абсолютно тактичном.

В книге последовательно излагаются истории взаимоотношений Коста Хетагурова с Анной Поповой (1865–1940), Раисой Гайтовой

(1874–1949), Анной Цаликовой (1976–1914), Гали Смирновой (1882–1974), Лелей Хурумовой (1880–1905). Для каждого сюжета (они даются в отдельных главах) автор находит верный тон и оптимальную композицию, расставляя необходимые акценты; в результате четко вырисовывается индивидуальность каждой «Музы» и каждого «романа», так что правомерно говорить о пяти разных образах Любви в книге Марины Чибировой. При этом отдельные главы образуют органичное художественное целое – и не только ввиду образа Коста Хетагурова, который объединяет их формально, но и благодаря тому, что в них прослеживается общее художественно-психологическое развитие, обеспечивающее единство сверхсюжета: от первой любви к Анне Поповой – молодой романтической страсти, полной света и эмоциональных потрясений, – к закатной и призрачной, как бы заведомо обреченной привязанности к «хрупкой и измученной болезнью» Лели Хурумовой, которую сам Коста пережил только на один год.

За всеми частными историями любви Коста проступает диалектика больших вопросов (искусство и действительность, поэт и общество и др.); Марина Чибирова делает ряд важных обобщений, в том числе пытается представить «некий собирательный образ увлечений Коста» (Там же. С. 6): исследователь, очевидно, стремилась к выявлению сложной философии отношения поэта к женщине вообще – «Вечной Женственности» Гете и Соловьева и «Прекрасной Даме» Блока, – как к вопросу в определенном смысле экзистенциальному. Не случайно Гуго Дзасохов, автор первого критико-биографического очерка о Коста, тему женщины выделял в творчестве Хетагурова прежде всех других (см.: Дзасохов Г.Б. Коста Хетагуров: критико-биографический очерк // Коста Хетагуров / Издание Г. Дзасохова. – Ростов-на-Дону, 1909. С. 8).

Не будет преувеличением сказать, что М.Л. Чибировой проделана отчасти и та работа, к которой призывал наших литературоведов В.И. Абаев, именно: раскрыть поэтическую душу Коста, не ограничиваясь социально-критическими мотивами его поэзии и идейно-тематическим анализом (см.: Абаев В.И. Светоч народа. // Избранные труды: Религия. Фольклор. Литература. – Владикавказ: Ир, 1995. Т.1. С. 557).

«Музы Коста» уже стали важной частью хетагуроведения, развивающей его в эмпирическом, а не отвлеченно-теоретическом плане, хотя М.Л. Чибирова использует самые разные работы своих предшественников: академические исследования В.Г. Кравченко, В.Б. Корзуна, С.Ш. Габараева, Н.Г. Джусойты, литературно-критические и биографические очерки Г.Б. Дзасохова, М.С. Туганова, И.М. Дзахова, Г.И. Кусова и других авторов. Важнее,

пожалуй, подчеркнуть, что здесь налицо добросовестная работа с архивными материалами – воспоминаниями современников Коста (Г. Дзасохова, М. Коченова, А. Галоевой-Келлер, Р. Бесоловой и др.), в том числе героинь книги Марины Чибировой (А. Поповой, Г. Смирновой) и их родственников и потомков (Н. Смирновой, Е. Цаликовой и др.), а также с эпистолярным наследием Коста, о котором автор справедливо замечает, что в них образ поэта «вырисовывается особенно цельно». «Как это ни печально отметить, – добавляет она, – но не будь в жизни Коста таких драматических моментов, как высылка за пределы родного края, мы были бы лишены столь ценного наследия, коим являются его письма. Ибо только из писем с высокой степенью достоверности можно восстановить хронологию его поступков, понять его мысли, чувства, стремления...» (Чибирова М.Л. Указ. соч. С. 4).

Документы и письма Коста Хетагурова зачастую интерпретируются М.Л. Чибировой в новых, оригинальных алгоритмах. Она умело синтезирует содержащуюся в них информацию в объективированном повествовании, убедительно фиксируя психологическую мотивировку тех или иных «сюжетных поворотов». Неудивительно, что книга «Музы Коста» ценится не только специалистами, но стала «одной из любимейших книг югоосетинского читателя», «завоевала общественное признание и популярность» (<http://cominf.org/node/1166490786>): она читается как увлекательная художественная литература; это своего рода цикл новелл, беллетризованных биографий или художественно-документальных повестей, в которых Коста и когда-либо любимые им женщины предстают перед нами, как живые, – и уже навсегда неразлучные. И исподволь приходит сознание неисповедимости человеческих судеб, – в том числе посмертных, и бескорыстного гения Коста, одним своим вниманием обессмертившего имена даже тех, кто отверг его руку и сердце.

Книга Марины Чибировой наталкивает на размышления, и по преимуществу грустные: это книга о тщете жизни, об ограниченности человеческой воли, о роке. Но вместе с тем о той вечной и животворящей творческой силе, которая «во всех печалях, невзгодах и неприятностях» черпает вдохновение для прекрасных художественных творений и «великих гуманистических идей» (Чибирова М.Л. Указ. соч. С. 4), и, читая ее, мы снова убеждаемся в том, что «рядом с гением скудость жизни приобретает черты Аркадии» (Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. – М.: Искусство, 1981. С. 96).

* * *

Помимо своих двух книг М.Л. Чибирова опубликовала ряд статей, трактующих разные ак-

туальные вопросы осетинской филологии. Некоторые из них частично дополняют и уточняют отдельные аспекты ее больших, рассмотренных выше исследований, либо служат обобщением каких-либо их смежных положений, либо содержат «промежуточные результаты», полученные в ходе работы. Это такие статьи, как «К вопросу художественного перевода в осетинском литературоведении» (Дарьял, 2002. № 4. С. 248–255), «Художественный перевод и проблема национальной специфики» (История и философия культуры: актуальные проблемы: Сборник научных трудов. Выпуск 6. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003. С. 124–127); «Нафи Джусойты о теории художественного перевода» (Современная методология гуманитарного исследования: Материалы III Всероссийской летней историко-филологической школы-семинара молодых ученых; Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. С. 215–231); «К истории художественного перевода в осетинском литературоведении» (Вопросы литературы и фольклора: Сборник научных статей. Выпуск IV. – Владикавказ, 2010. С. 158–175); «Нафи Джусойты о теории и практике перевода» (Русское слово в Южной Осетии, 2015. №1. С. 10–14); «Адресаты любовной лирики Коста Хетагурова» (Материалы международной юбилейной научной конференции СОИГСИ им. В.И. Абаева «Россия и Кавказ», посвященный 155-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова и 225-летию Владикавказа. – Владикавказ, 6–7 октября 2009 г.).

Здесь мы специально отметили бы работу по обобщению того вклада в переводоведение и переводную литературу, который сделал Нафи Джусойты, выдающийся осетинский филолог и классик осетинской литературы, ушедший от нас немногим ранее Марины Чибировой. В статьях о Нафи М.Л. Чибирова четко характеризует его переводческую концепцию и предлагаемые им решения неизбежных коллизий переводческой практики, в частности, принцип максимально возможной «верности оригиналу» и органичного «возмещения потерь». Особое внимание уделено М.Л. Чибировой идейно-эстетической позиции Нафи, в ходе различных ученых дискуссий жестко отстаивавшего чистоту литературы и чистоплотность литературного труда: «Появление плохой книги на любом языке – литературное несчастье... Но когда такую книгу... еще и переводим на другой язык... мы сознательно совершаем ничем не оправданное нравственное преступление...» (Чибирова М.Л. Нафи Джусойты о теории и практике перевода // Русское слово в Южной Осетии, 2015. № 1. С. 13).

Среди других отдельных работ М.Л. Чибировой следует указать обзорный очерк зарождения и развития осетинской литературы (см.: Чибирова М.Л. *Литература* // Осетины. Серия «Народы и культуры». – Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А. – М.: Наука, 2012. С. 528–534) и статьи «Миллеровский этап в развитии национального самосознания осетин» (Ученые записки ЮОГУ. Вып. 4, ч. 1. – Цхинвал, 2014. С. 225–231) и «Публицистика 1989–1990-х гг. по материалам еженедельного общественно-политического и литературно-художественного журнала «Огонек»» (Ученые записки ЮОГУ. Вып. 6, ч. 1. – Цхинвал, 2017. С. 205–215).

В первой всесторонне освещена роль академика В.Ф. Миллера (а отчасти и А.М. Шегрена, А.А. Шифнера и М.М. Ковалевского) в осетинской истории и культуре, именно его вклад в осетинское просвещение, в формирование и «пробуждение осетинской интеллигенции», его участие в судьбах и деятельности Алмахсита Канукова, Саввы Кокиева, Асламурза Кайтмазова, Михаила Гарданова и других литераторов и педагогов. Во второй (и последней прижизненной публикации М.Л. Чибировой) проведен анализ публицистики «эпохи перестройки». Характеризуя наиболее типичные для «Огонька» рубрики и отдельные публикации Татьяны Ивановой, Артема Боровика, Евгения Евтушенко, Фазиля Искандера, Андрея Битова, братьев Стругацких, М.Л. Чибирова точно выявляет специфику целой литературной эпохи на огромном постсоветском пространстве во всех ее критических противоречиях и специально указывает главные идеологические, жанровые и стилистические трансформации публицистики, вызванные социально-экономическими и политическими процессами – «развалом некогда могущественной страны» (Чибирова М.Л. Публицистика 1989–1990-х гг. по материалам еженедельного общественно-политического и литературно-художественного журнала «Огонек»» (Ученые записки ЮОГУ. Вып. 6, ч. 1. – Цхинвал, 2017. С. 205).

Литературоведческим исследованиям Марины Чибировой неизменно были присущи свойства, без которых, вопреки либеральным представлениям, любая гуманитарная наука выхолащивается: ответственная этическая позиция, гражданское чувство и патриотизм, вовсе не ограниченный ее малой родиной. И в научной, и в общественной работе она всегда тонко ощущала «особый характер отношений между Россией и Южной Осетией» и стремилась к упрочению «преемственности тех многовековых традиций, которые всегда связывали» осетинский и русский народы, к культурному «взаимодействию, взаимопрото-

никновению и обогащению». «Сегодня точно так же, как и в далеком XIX веке, – писала М.Л. Чибирова, – русское слово открывает для нас пространство и время...» (Чибирова М.Л. Русское слово стало родным для Южной Осетии // Русское слово в Южной Осетии, 2013. № 1. С. 8). Не в последнюю очередь четкое сознание несостоятельности «изоляционистских» культурных и государственных стратегий позволило ей достичь несомненных результатов на посту министра образования и науки РЮО, – в том числе в части внедрения полилингвальной и поликультурной образовательной модели, которая, как подчеркнул профессор Т.Т. Камболов, благодаря Марине Чибировой успешно функционирует и сегодня.

* * *

Зная, что мы работаем над этим очерком, профессор Л.А. Чибиров любезно предоставил нам черновики Марины Львовны. Это всегда важно и интересно: черновики характеризуют ученого никак не в меньшей степени, чем опубликованные работы.

Особое место в архиве М.Л. Чибировой занимают планы и конспекты исследования по Гайто Газданову. Мы сразу сопоставили это с тем обстоятельством, что кандидатским исследованием М.Л. Чибировой руководил профессор Н.Д. Цховребов, известный специалист по творчеству Газданова. Вероятно, в ходе сотрудничества (хотя диссертационная тема не была никак связана с литературой русского зарубежья) они так или иначе касались вопросов творчества нашего выдающегося соплеменника.

Как видно из указанных материалов, М.Л. Чибирова планировала целую монографию по творчеству Гайто Газданова, построенную на анализе автобиографического и мистического планов в газдановском художественном пространстве. Исследователь специально прорабатывала такие проблемы, как 1) автобиографичность прозы Газданова, 2) жанровое своеобразие его романов, 3) сюжет и нарратив и 5) мистицизм и психологизм творчества Газданова. По каждой из проблем уже был вчерне скомпонован источниковедческий, методологический и литературно-критический материал. М.Л. Чибирова намеревалась использовать обширную литературу по истории и поэтике русского

литературного зарубежья и специально Гайто Газданову: работы Ласло Диенеша, Владимира Вейдле, Марка Слонима, Владимира Набокова, Михаила Осоргина, современные исследования (статьи, монографии и диссертации) Юрия Нечипоренко, Юлии Матвеевой, Елены Проскуриной, Ирины Дьяконовой и др., и, что необходимо подчеркнуть, работы осетинских исследователей жизни и творчества Газданова: Азы Хадарцевой, Руслана Тотрова, Нугзара Цховребова, Тамерлана Камболова, Руслана Бзарова, Сергея Кабалоти, Тамира Салбиева, Асланбека Мзокова. Однако наиболее акцентированное внимание исследователь уделяла известным работам, рассматривающим иррациональные феномены творчества и бытия: «О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции» (1930) Бориса Поплавского, «Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия» (1949) и «Учение о переселении души» Семена Франка (1917), «Философия свободного духа» (1927) Николая Бердяева, «Опыт о непосредственных данных сознания» (1888) Анри Бергсона, «Оптика сновидения» (1993) Екатерины Деготь и др.

Сопряжение мистического и биографического как полярных категорий обещало оригинальные и интересные результаты; нет сомнений, что этот труд тоже украсил бы осетинское литературоведение. К глубокому сожалению, Марине Львовне не суждено было его завершить.

* * *

«Марина была светочем моей жизни, – сказал Людвиг Алексеевич Чибиров. – Горе мое безмерно, но она сама дала мне и утешение: утешением мне служит гордость за дочь. Теперь я могу ходить по земле с высоко поднятой головой».

В нашей жизни есть место несчастью, но, если мы и живем, и трудимся, и уходим с достоинством, как Марина Чибирова, наших близких и наш народ никогда не постигнет отчаяние.

Издание трудов М.Л. Чибировой отдельной книгой, которое мы в скором времени намерены осуществить, послужит и доказательством нашей твердой и доброй воли, нашей веры в науку и созидательный труд.

И.С. Хугаев,

д. ф. н., в. н. с. КНИО ВНЦ РАН.

ON THE SCIENTIFIC CREATIVITY OF MARINA LYUDVIGOVNA CHIBIROVA (1970–2017)